

Переписка И. С. Шмелева и Томаса Манна

Публикация Ю. А. Кутыриной

Литературно-художественный и общественно-политический альманах "Мосты"

Номер 9 за 1962 год

Издательство центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)

Scan [ImWerden](#)

OCR Ловецкая Т.Ю.

Томас Манн в течение многих лет был в переписке с И. С. Шмелевым. Лично они познакомились в Париже, в моей более чем скромной квартире на улице Шевер, против дворца Инвалидов и гробницы Наполеона I, весной 1924 года. Выхав из России в январе 1923 года, Иван Сергеевич и Ольга Александровна Шмелевы жили у меня, их племянницы, уже целый год.

Томас Манн так описывает это свое посещение в воспоминаниях о парижских встречах (в журнале "Die Neue Rundschau", 1924):

"Мы направляемся к Ивану Шмелеву, русскому писателю и страдальцу, написавшему "Солнце мертвых", этот кошмарный, но окутанный поэтическим блеском документ той эпохи, когда красные благодетели "вымели Крым железной метлой".

Из пышного парижского отеля с паркетом, устланном пушистыми коврами, попадаем в самую крайнюю нужду, в жилище "бедных людей" на улице Шевер, -- три комнаты с кухней, дышащие убожеством, скудостью...

Я потрясен, сижу у импровизированного рабочего стола и смотрю на изборожденное морщинами, измученное лицо с седой бородой; в него глубоко врезались те ужасы, о которых можно прочесть в романе "Солнце мертвых", если на то хватит смелости. Смотрю на это лицо, -- оно принадлежит пятидесятилетнему, но выглядит на пятнадцать лет старше.

Мое потрясение переходит в стыд, когда он говорит, что меня, своего сверстника, он находит молодым и сильным.

В нем есть что-то возбужденное и даже страшное.

Его книга. Я восхищаюсь ею; он дарит мне ее. Взмолвленно и медленно он вписывает в нее то, что ловкий и изворотливый язык Запада ему подсказывает, -- что-то о *grande admiration* и *les plus sinceres sentiments*, и свое имя по-французски.

Не приходится говорить о том, что должны были перенести эти люди физически; какие ужасы они видели своими глазами. Но последним состраданием, последним благоговением пронизывает нас лишь представление об их идейном бедствии, о том дьявольском уничтожении и искоренении революционного идеализма, которым преисполнен был каждый мыслящий русский и который был затоптан в грязь переживанием бесчеловечно-скотской действительности. Невозможно отделаться от горчайшего скептицизма, от кровавой насмешки над *febris revolutions* молокососов, которая сказывается на некоторых страницах "Солнца мертвых"...

Томас Майн прислал И. С. Шмелеву свой портрет с надписью: "Ивану Шмелеву с выражением моего высокого уважения и восхищения". Иван Сергеевич посылает ему в ответ свою "Неупиваемую чашу".

Томас Манн пишет по поводу присылки книги:

Ароза, Вальдсанаториум.

26.05.26.

Глубокоуважаемый господин Шмелев,

Сердечно благодарю за присылку Вашего прекрасного произведения "Неупиваемая чаша", чтение которого восполнило для меня самым благоприятным образом Ваш портрет, как поэта.

Я, как и моя жена, глубоко взволнован чистотой и грустью Вашего произведения, которое хоть и мало по своему размеру, но так богато по содержанию и как в любви, так и в гневе находится на высоте русского эпоса, оставаясь в то же время глубоко личным произведением. Что меня больше всего тронуло -- это Ваше чувство к благородству искусства, которое выражено трогательно и проникновенно.

Надеемся, что Вам, как и Вашей семье, благоприятствует хорошая погода на берегу моря.

Я приехал сюда с моей женой, которой немного нездоровилось, но ей теперь, к счастью, лучше. Мы часто с удовольствием вспоминаем о нашем свидании с Вами. Я говорю об этом с чувством большой